

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ «ВЫВОДА» ШЛЯХЕТСТВА
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ (XVI – СЕРЕДИНА XVII ВЕКА)*Красинский Иван Викторович**аспирант,**Белорусский государственный университет,
Беларусь, г. Минск*NORMATIVE-LEGAL REGULATION OF THE «PROOF OF NOBILITY»
(WYWÓD SZLACHECKI) IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA
(16TH – MID-17TH CENTURY)*Ivan Krasinski**PhD student,**Belarusian State University,
Belarus, Minsk*

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является реконструкция нормативно-правовых оснований и эволюции процедуры «вывода» шляхетства в Великом Княжестве Литовском с начала XVI до середины XVII века. Методами исследования стали источниковедческий и сравнительно-правовой анализ Литовских статуты 1529, 1566 и 1588 гг., сеймовых конституций (1578, 1601, 1632–1633), материалов Метрики ВКЛ и практики Главного трибунала ВКЛ. Выявлена поэтапная кодификация «вывода шляхетства» (от устава 1507 г. к статутной модели 1588 г. и уточнениям 1632–1633 гг.); определены обязательные элементы доказательства (свидетельские клятвы по обеим линиям родства и подлинные документы – привилеи, записи о наследованиях, выписи из книг); зафиксированы санкции за ложную «нагану» и за незаконное присвоение статуса; показана роль Трибунала и сейма в корпоративном контроле за доступом в сословие. К середине XVII в. в ВКЛ сложилась зрелая, формализованная и в значительной мере унифицированная с коронной системой правовая процедура доказательства дворянства, обеспечивавшая охрану сословных границ, стимулировавшая развитие генеалогической документации и ограничивавшая злоупотребления через обязательность письменных доказательств и компетенцию высших судов.

ABSTRACT

This paper reconstructs the legal framework and evolution of the “proof of nobility” (wywód szlachectwa) in the Grand Duchy of Lithuania from the early 16th century to the mid-17th century. Source-based and comparative-legal analysis of the Lithuanian Statutes of 1529, 1566 and 1588, parliamentary constitutions (1578, 1601, 1632–1633), the Lithuanian Metrica, and the practice of the Lithuanian Supreme Tribunal. The study traces stepwise codification from the 1507 ordinance to the 1588 statutory model and the 1632–1633 refinements; identifies mandatory evidentiary elements (oaths by kin on both paternal and maternal lines plus authentic instruments–privileges, inheritance/partition acts, court book extracts); documents sanctions for false accusations and unlawful usurpation; and highlights the Tribunal’s and Sejm’s roles in corporate gatekeeping. By the mid-17th century the GDL had developed a mature, formalized, and largely Commonwealth-harmonized procedure of proving nobility that safeguarded estate boundaries, fostered genealogical record-keeping, and curtailed abuses through mandatory written proof and higher-court jurisdiction.

Ключевые слова: вывод шляхетства; доказательство шляхетства, нагана шляхетства, wywód szlachectwa, nagana szlachectwa, Литовские статуты 1529/1566/1588, Главный трибунал ВКЛ, нобилитация, индигенат.

Keywords: wywód szlachectwa, proof of nobility, nagana szlachectwa, Lithuanian Statutes 1529/1566/1588, Tribunal of GDL, nobilitation, indigenerate.

В Великом Княжестве Литовском (ВКЛ) начала XVI века институт «вывода шляхетства» сформировался как ключевой процессуальный механизм верификации сословной принадлежности. Его функциональное значение заключалось в строгом разграничении правового статуса шляхты и нешляхты, что было необходимо для корректного применения сословных иммунитетов, касающихся

подсудности, защиты чести и условий землевладения [8, с. 436–689]. Нормативной основой процесса стали Статуты ВКЛ (1529, 1566, 1588 гг.), институциональной – суды различных инстанций (городские, земские, Главный трибунал ВКЛ (далее – Трибунал)). В качестве источниковой базы для исследования выступают актовые материалы Метрики ВКЛ и делопроизводственные комплексы,

опубликованные в изданиях Виленской археографической комиссии (АВАК) [3; 5; 6; 1; 2; 9].

Изучение нормативной эволюция данного института позволяет судить о целенаправленном движении от устно-репутационных практик к формализованной, документоцентричной модели. Начало нормативного оформления доказательства благородного статуса было положено «Уставой» 1507 г., положения которой вошли в усовершенствованном виде в Статут ВКЛ 1529 года. Последним, в свою очередь, были заложены общие принципы подтверждения шляхетского статуса через свидетельские показания и «старожитные листы» – королевские привилеи и акты владений землей [8, с. 436–457]. Статут ВКЛ 1566 года существенно конкретизировал процедуру, регламентировав пограничные случаи (смешанные браки; проверка статуса в уголовных процессах), были введены санкции за бездоказательную «нагану» (порицание шляхетства) [8, с. 458–565]. Статут ВКЛ 1588 года завершил этот процесс, утвердив комбинированную модель доказывания: требование показаний свидетелей как по отцовской, так и по материнской линии при обязательной опоре на подлинные письменные доказательства [8, с. 566–689].

Впоследствии процесс нормативно-правового регулирования процедуры доказательства шляхетства сопровождался корректировками сеймовых конституций Речи Посполитой (зафиксированы в *Volumina Legum*), которые ограничили практику частных гербовых усыновлений и требовали публичной нобилитации, тем самым был усилен корпоративный контроль над составом сословия [10, S. 382]. При этом заметим, что в практике Великого Княжества Литовского ключевой нормой права оставались положения Статута ВКЛ 1588 г. Историческое значение этой эволюции состоит в фундаментальном переходе от локальных, основанных на репутации механизмов идентификации к унифицированной, бюрократической верификации, проводимой государственными институтами.

Институциональное воплощение «вывода» шляхетства осуществлялось через систему судов. Иски о «нагане» и последующем «очищении» чести возбуждались в местных градских и земских судах, часто в связи с делами о применении сословных привилегий. Однако по мере развития апелляционной системы Главный трибунал ВКЛ стал ключевым органом, унифицировавшим критерии оценки доказательств. Значимые дела, особенно те, где исход определял доступ к должностям (урядам) или режиму землевладения, часто переносились на уровень Трибунала [3, с. 51–113]. Данная практика привела к важнейшему правовому сдвигу: шляхетский статус перестал быть самоочевидным и презюмируемым, превратился в объективный факт, подлежащий доказыванию и судебной проверке.

В иерархии доказательств приоритет однозначно принадлежал письменным актам. Высшую силу имели подлинные великокняжеские привилеи, записи в Метрике ВКЛ (книги записей и судебных дел), в описях служилых бояр, акты имущественных сделок (разделов, купчих) и предыдущие су-

дебные решения, подтверждавшие статус рода [5, с. 5–12; 6, с. 3–15; 9, р. 15–28]. Суды тщательно проверяли «легальную цепочку» документов, отдавая предпочтение заверенным канцелярским выписям с печатями перед частными копиями [3, с. 90–93]. Свидетельские показания, хотя и оставались обязательным элементом (требовалось минимум по два свидетеля с каждой родовой линии), играли вспомогательную роль. Они были призваны не столько установить статус, сколько раскрыть генеалогию семьи с имеющимися письменными записями. Исключительно свидетельский «вывод» допускался лишь в качестве крайней меры при документально подтвержденной утрате семейного архива (в результате пожара или войны) и при наличии косвенных письменных улик, что чаще всего характерно к более ранним периодам развития данного института [5, с. 210–218; 9, р. 145–152].

Анализ конкретных судебных практик по материалам Метрики ВКЛ и АВАК подтверждает этот жесткий документоцентризм. В книгах судебных дел (напр., кн. № 272, 1576–1579) суды регулярно приостанавливали рассмотрение дел «о чести» до предоставления сторонами «старожитных листов» или официальных выписей из канцелярии [5, с. 214–218]. Акты АВАК (Т. 24, «Акты о боярах») демонстрируют, что местная знать (бояре) была вынуждена проходить процедуру официального признания («вывода») в шляхетском достоинстве через суд, предоставляя исключительно подлинники или легитимированные копии документов [1, с. 8–11]. Это позволяет сделать вывод, что сословная принадлежность в ВКЛ к середине XVII века стала определяться не фактом владения землей или локальной репутацией, а наличием формального, воспроизводимого «документального портфеля» семьи, что стимулировало систематическое архивирование и тиражирование правовых актов в домашних архивах.

Данный режим обеспечивал низкую проницаемость сословных границ. Для иностранцев, претендующих на шляхетство в ВКЛ, устанавливался двойной барьер: требовалось доказать свой статус на родине и представить легальные акты на приобретенные в Княжестве имения. До выполнения этих условий они ограничивались в политических правах и доступе к «урядам» [8, с. 620–635]. Частные нобилитации и принятия в гербовые братства без санкции сейма не признавались, что переводило вопрос о включении в элиту из сферы патронажа и клиентализма в строгое публично-правовое поле [10, s. 382].

Жесткость системы подтвердили военные разрушения середины XVII века, которые привели к массовой утрате частных и государственных архивов. Несмотря на это, судебная практика не отказалась от приоритета письменности, а разработала компенсаторные механизмы, допуская сочетание свидетельских показаний с косвенными выписками и восстановленными копиями [5, с. 210–218; 9, р. 145–152]. Это не привело к размыванию сословия, но породило спрос на вторичную документацию,

ставшую основой для процедур «легитимации» в XVIII веке.

Таким образом, к середине XVII века «вывод шляхетства» в ВКЛ представлял собой полностью институционализированный механизм поддержания сословной структуры. Его ключевыми характеристиками были: детальная статутная регламентация, унифицированный судебный контроль с без-

условным приоритетом письменных доказательств, и жёсткие санкции против злоупотреблений. Социально-историческим итогом его функционирования стал переход от репутационной к бюрократической («канцелярской») модели социальной идентичности, что повысило управляемость элиты, стандартизировало её внутренние различия и укрепило корпоративную замкнутость шляхетского сословия.

Список литературы:

1. Акты Виленской археографической комиссии. Т. 24: Акты о боярах. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1897. – 590 с.
2. Акты Виленской археографической комиссии. Т. 36: Акты Минского гродского суда. – Вильна: Эл.-тип. «Русский Почин», 1912. – 501 с.
3. Лаппо, И.И. Гродский суд в Великом Княжестве Литовском в XVI столетии // Журнал Министерства народного просвещения. – 1908. – № 1. – С. 51–113.
4. Леонтович, Ф.И. Правоспособность литовско-русской шляхты // Журнал Министерства народного просвещения. – 1907. – № 6. – С. 192–264; 1908. – № 3. – С. 53–87; № 5. – С. 136–167; № 6. – С. 245–298; 1909. – № 2. – С. 225–269; № 3. – С. 44–88.
5. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга № 272 (1576–1579 гг.): кніга судовых спраў № 58 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. А.А. Мясешка. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 436 с.
6. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 42 (1556–1562 гг.): кніга запісаў № 42 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. В.С. Мянжынскі. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 190 с.
7. Мясельскі, А.А. Наганы і вывады шляхецтва ў Вялікім Княстве Літоўскім. Два дакументы 1579 года з судовай кнігі № 272 Метрыкі ВКЛ // Герольд Litherland. – 2013. – № 19. – С. 110–117.
8. Статуты Вялікага Княства Літоўскага 1529, 1566 і 1588 гг. // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак. А–Я / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2010. – С. 436–689.
9. Lietuvos metrika (1554–1568). 35-oji Teismų bylų knyga / parengė S. Viskantaitė-Saviščevienė, I. Valikonytė. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2018. – 798 p.
10. Volumina Legum: zbiór praw Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Т. 3. – Petersburg: Drukiem Jozafata Ohryzki, 1859. – 768 s.